

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'42:81'27
ББК Ш05.51+Ш100.621

ГСНТИ 15.41.21; 16.21.29

Код ВАК 10.02.19

К. В. Злоказов, А. Ю. Софронова
Екатеринбург, Россия

К ОЦЕНКЕ РИСКА ВОПЛОЩЕНИЯ АНОНИМНОЙ УГРОЗЫ

АННОТАЦИЯ. В статье поднимается проблема изучения анонимных угроз, представленная в контексте взаимоотношений между обществом и институтами власти. Ее причинами выступают направленность государственных структур на открытость, доступность для взаимодействия с гражданами и совершенствование технологий массовой коммуникации, расширяющее, ускоряющее и анонимизирующее общение. Эти обстоятельства приводят к взрывному росту обращений в органы государственной власти не только за помощью в реализации прав и свобод, но и с деструктивными целями. Ежегодный прирост количества заведомо ложных сообщений о происшествиях и преступлениях актуализирует проблему их предупреждения и профилактики. Статья представляет обзор практико-ориентированных исследований анонимных угроз на материале англоязычного корпуса текстов. Угроза рассматривается как осознанное речевое действие автора, нацеленное на деструктивное (манипулятивное) влияние на адресата, сопровождающееся формированием чувства тревоги и страха. В зарубежной практике изучение угроз осуществляется через призму дискурсивного, интенционального, грамматического анализа. Целью становится поиск критериев риска, позволяющий оценить степень реальности действий, описанных в сообщении. Дискурс угрозы вариативен, но, несмотря на это, замысел автора может быть понят исходя из мотива, лежащего в ее основе. О готовности автора к осуществлению враждебных действий свидетельствуют просторечная и эмоциональная лексика, применение глаголов и существительных, точно описывающих время, действия и намерения автора или адресата. С точки зрения интенций авторы угроз подчеркивают желание причинить вред, демонстрируют осведомленность о незаконности и наказуемости своего поведения. Нереалистичные угрозы менее детальны и неискренни, их авторы не акцентируют внимание на последствиях своих действий для жертвы, стремятся избежать преследования. В заключении статьи авторы обсуждают перспективы расширения арсенала методов анализа анонимных сообщений путем привлечения психологического инструментария.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: угроза; анонимная угроза; оценка риска анонимной угрозы; реалистичность угрозы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620032, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 325; e-mail: zkkrivit@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Софронова Анастасия Юрьевна, студентка Уральского юридического института МВД России; адрес: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: psykonf2015@yandex.ru.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. Изложим обстоятельства, актуализирующие проблематику анонимных угроз. Ее во многом определяют тенденции развития российского общества, аналогичные общемировым. Во-первых, усиление взаимодействия населения с государственными структурами в аспекте открытости институтов власти, доступности инструментов государственного управления (так, ст. 33 Конституции Российской Федерации гарантирует право граждан «обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления» [Конституция РФ] и таким образом реализовывать и защищать свои права, свободу и законные интересы; работа с обращениями граждан определяется Федеральным законом № 95-ФЗ от 2 мая 2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»); развитие механизмов реагирования на обращения граждан обеспечивается «Концепцией открытости федеральных органов исполнительной власти (утверждена Распоряжением Правительства РФ №93-р от 30 января 2014 г.)). Так, число обращений в Министерство внутренних дел в 2015 г. увеличилось на 20 % по

сравнению с 2014 г.; в Министерство здравоохранения за этот же период — на 31 %, в Рособнадзор — на 45 %. При этом, к примеру, половину от общего числа обращений в Министерство внутренних дел составляют жалобы, оставшаяся часть распределена между заявлениями и запросами граждан. Статистические данные показывают, что россияне все чаще используют электронные средства почтовой связи, предпочитая аудиа-льной коммуникации текстовые сообщения.

Вторая тенденция, определяющая контуры проблемы, — развитие технологий массовой коммуникации, усиливающее их проникновение в повседневное взаимодействие. Можно определить три ключевых воздействия новых технологий на культуру и психологию коммуникации: расширение возможностей общения, ускорение передачи информации, анонимизация собеседников.

Расширение взаимодействия между людьми отражается в публичности повседневности. Например, возможность транслировать собственное присутствие неограниченному количеству лиц — «запостить» информацию о себе в любой момент времени, не подвергая ее рациональному анализу.

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 15-34-01293 «Деструкция и отчужденность — ведущие стратегии экстремистского дискурса».

© Злоказов К. В., Софронова А. Ю., 2016

Зачастую человек, реагируя эмоционально, нарушает «коммуникативный код» взаимодействия и становится жертвой своей публичности. С другой стороны, возможность «твитнуть» неловкое высказывание политика, чиновника или знаменитости наполняет пространство публичного дискурса непубличными высказываниями. Как следствие, расширение публичности, по-видимому, влияет на коммуникативное поведение, привносит в него демонстративные черты.

Ускорение связано с увеличением объема получаемой человеком информации при постоянном значении времени ее восприятия. В этом случае форма представления информации (визуальная, вербальная, текстовая) будет играть большую роль в восприятии, нежели содержание. К примеру, молодежь склонна выбирать визуальную информацию, содержащую яркие, разнообразные образы, с текстами, состоящими из точных фактов и событий [Гребенникова, Пархоменко 2013], предпочитая ее иным формам представления данных.

В связи с невозможностью контролировать собеседников в системе общения возникает анонимизация. Обезличивание становится возможным не только из-за применения специальных протоколов связи для общения, но и из-за публичной коммуникации. Собеседники ведут переписку в новостных лентах, социальной сети, онлайн-играх, стрим-вещаниях, групповых чатах, оставаясь не узнаваемыми в потоке диалогов. Негативным эффектом невозможности идентификации коммуникаторов становится риск вовлечения в общение несостоятельных собеседников: пранкеров, случайных или некомпетентных участников [Иванова 2014].

Итак, расширение, ускорение и анонимизация взаимодействия изменяют не только социально-информационное пространство, но, следуя Э. Тоффлеру [Тоффлер 2004], психологический контекст обработки информации, селекции и перцепции ее человеком. Одним из следствий этого становится деструктивное поведение коммуникаторов, нарушающее порядок взаимодействия, влияющее на качество и продуктивность общения. В контексте неофициального общения оно нацелено на нанесение вреда другим пользователям и инфраструктуре (например, форумам, сайтам, хостингам). Проявления деструктивного поведения затрагивают личность собеседника (оскорбления, угрозы, жалобы на собеседника [Волкова 2013]), процесс коммуникации в сообществе (флуд, троллинг) [Гладченкова, Щербакова], работу информационной сети (спам, взлом, DDOS-атака) [Деструктивные действия].

В отличие от неофициального общения, деструктивное взаимодействие с государственными институтами подробно описано в отечественной лингвистической науке и юридической практике. Речь в исследованиях данной тематики идет об оскорблении, унижении достоинства лиц [Диффамация в СМИ] либо призывах экстремистского характера в отношении государственных служащих, представителей социальных групп, общественных организаций [Антонова, Веснина, Ворошилова, Злоказов, Тагильцева, Карапетян 2014]. Зачастую перечисленные действия осуществляются в форме устной речи или поступка, связаны с исполнением должностных обязанностей объектами речевой агрессии. Однако содержание анонимных сообщений не сводится к диффамации, и, пожалуй, она является не самым опасным явлением. Значительное негативное воздействие на функционирование институтов охраны правопорядка, социальных служб оказывают угрозы жизни, здоровью, общественному порядку. К сожалению, статистическая информация об анонимных угрозах в России не последовательна и приводится в основном в неспециализированных публикациях. Но из них понятно, что большая часть подобных сообщений передается по телефону, меньшая — в письменном виде, а больший процент из них составляют ложные [Пржездомский 2011]. Так, за январь — октябрь 2015 г. в МВД поступило 1260 заведомо ложных сообщений об акте терроризма, что на 14,6 % больше, чем за аналогичный период 2014 г. Из этих преступлений было раскрыто 612, что на 15 % меньше показателя прошлого года, а число нераскрытых преступлений выросло на 43,1 % [Змановская, Аветисян, Ивушкина 2015]. За заведомо ложный вызов специализированных служб в первом полугодии 2015 г. были подвергнуты административному наказанию 12 727 человек, в 2014 г. — 23 314 телефонных хулиганов, в 2013 г. — 20 626 человек, в 2012 г. — 15 563 человека [Куликов]. Несмотря на то что не все обращения содержали информацию об угрозах, заметна тенденция к увеличению их количества. Увеличивается и нагрузка на службы охраны правопорядка и медицинского обеспечения населения, значительные усилия тратятся на выявление авторов этих сообщений: в среднем выезд оперативных служб, а это скорая, пожарные, сотрудники МЧС, обходится в сумму до двух миллионов рублей [Сидоренко, Панкин, Козловский]. При этом среди «телефонных хулиганов» преобладает доля подростков и молодежи, а мотивами сообщений становится месть, желание «пошутить», проявить

свою «состоятельность» и иные деструктивные проявления.

С взрывным ростом угроз при коммуникации в информационном пространстве принципиально важной становится оценка их реалистичности, осуществимости. Между тем проблема анонимных сообщений с угрозами сравнительно недавно появилась в фокусе научного внимания. К примеру, к началу 80-х гг. в зарубежной лингвистике работы данной тематики носили единичный характер, а с начала 2000-х гг. издается специальный журнал, посвященный изучению текстов с угрозами — «Journal of Threat Assessment and Management». В российской психолингвистике проблема оценки риска угрозы пока не столь популярна, как в зарубежной практике, однако в аспекте правоохранительной деятельности обращение к данной тематике будет актуальным и полезным.

АНОНИМНАЯ УГРОЗА: ФЕНОМЕН И ИНСТРУМЕНТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Под угрозой будем подразумевать намерение говорящего ввести адресата в дискомфортное состояние для того, чтобы он сделал что-либо в интересах говорящего, а также намерение нанести физический или моральный вред слушающему [Быстров 2001]. В информационном аспекте угроза нацелена не только на обозначение намерения, но и на передачу информации собеседнику [Fraser 1998]. Однако эта информация имеет неопределенный характер в силу не только вероятности наступления событий, но и нечеткого определения адресата, обстоятельств угрозы, методов ее осуществления.

Угрозы распространены, они встречаются в различных формах и видах общения. Как и все формы социальной коммуникации, угрозы обусловлены макроконтекстом социальных структур, в которых формировался автор и его жертва. Угрозы используются как детьми, так и взрослыми, при этом сохраняя свою относительно устойчивую форму выражения. Во всех разновидностях угрозы имеют а) прямой («Я тебя убью»), б) относительный и связанный с условиями («Если ты будешь так вести себя и дальше, тебе будет плохо») и в) косвенный, завуалированный характер («Лучше тебе почаще оглядываться») [Napier, Mardigian 2003].

Причины угроз обширны и включают выражение эмоций, в том числе гнева, стремления напугать, манипулировать, поколебать авторитет, привлечь внимание, сохранить чувство собственного достоинства, показать цель воздействия, склонить к переговорам или отреагировать на шутку. И, как и многие другие речевые акты, такие как при-

глашения и обещания, угрозы зависят от иллюкативной силы или намерения, с которыми они произнесены [Fraser 1998].

Согласно П. Бурдые [Bourdieu 1991], в угрозе можно обнаружить стремление изменить структуру власти в институционализированных отношениях. По мнению исследователя, перформатив угрозы нужен для того, чтобы определить и закрепить неравенство между собеседниками в пользу адресанта. Развивая эту идею, можно описать угрозы как деструктивные перформативные акты, направленные на реализацию преимущества коммуникатора в ущерб реципиенту. Деструктивное проявление отражается в том, что они, с одной стороны, управляются говорящим, а с другой — побуждают астенические эмоции, среди которых главенствующее место занимают переживания тревоги и страха [Olsson, Phelps 2004]. Содержание трех разновидностей угроз К. Стори описывает с учетом контекста их возникновения: 1) предупреждения о возможных происшествиях, преступлениях; 2) собственно угрозы, сопровождающие вымогательство или похищения; 3) пугающие угрозы, направленные на запугивание собеседника, формирование состояния страха [Storey 1995].

При изучении угроз сложность представляет выбор методов, позволяющих надежно и достоверно определить вероятность осуществления угрозы, опираясь при этом только на сообщение о ней. В общемировом масштабе для этого используются лингвистические, статистические и психологические методы. Продуктивным способом работы с анонимными угрозами является их накопление с помощью банков (баз) данных и статистическое обобщение. К примеру, Федеральное бюро расследований США в рамках работы инициативной группы по расследованию криминальных происшествий создало базу коммуникативных угроз (Communicated Threat Assessment Database, CTAD), содержащую 3721 сообщение [Fitzgerald 2007]. Обобщение этих данных статистическим способом позволяет выделять значимые признаки реалистичности угрозы, верифицировать принадлежность сообщений одному — нескольким авторам. Создание аналогичных баз с русскоязычным корпусом угроз представляется необходимым шагом на пути противодействия анонимным угрозам.

Для изучения анонимных угроз привлекаются методы дискурсивного, интенционального, грамматического анализа. В дискурсе угрозы выделяют вариации стиля, жанров, особенности авторской установки по отношению к объекту и стратегии ее воплощения в тексте [Van Dijk 2001]. Отмечается, что

дискурс угрозы не является гомогенным, в нем обнаруживаются различные вариации стилей и речевых стратегий реализации отношения к объекту угрозы. Как указывает Т. А. Гейл, 31 % текстов с угрозами содержит диффамационные высказывания, 36 % включает тематику сексуальных домогательств, 18 % — это угрозы убийства, 9 % — применения насилия [Gale 2010]. Вместе с тем отнесение к конкретной тематической группе может быть затруднительным из-за сложности установления авторского замысла. Из 470 проанализированных исследовательницей сообщений лишь 62 % имели характер прямой угрозы, 26 % — условной, а 12 % — косвенной. Однако, несмотря на вариации риторических средств, текст подобных сообщений конструктивно соответствует замыслу автора — напугать, склонить к действию (бездействию), ошеломить [Melo, Mohandie, Green 2008].

В зарубежной практике широко используется изучение грамматического и лексического контекстов анонимных сообщений. Лексика корпусов угрожающего текста, изученная Т. Гейл, преимущественно пейоративная, описывает безнадежность, указывает на оружие, суицидальные тенденции, раскрывает различные фантазии автора [Gale 2010]. В грамматическом плане для угрозы характерны обстоятельства — наречия образа действия (*никогда, сразу же*) и времени (*скоро, быстро*). Указания на жертву конкретизируются местоимениями (*ты, он*), требуемое поведение описывается глаголами (*слушать, сделаешь*). Широко применяется модальность принуждения (*я заставлю, ты должен, будешь*), глаголы агрессивных действий (*быть, убивать, калечить*).

Вместе с тем наличие речевых признаков не является основанием для однозначного определения опасности угрозы. Тщательному изучению также подвергаются опыт автора, его психологическое состояние. С когнитивной стороны изучается знание автором характеристик объекта угрозы, способов и инструментов причинения вреда. В количественных параметрах оценивается психическое и психологическое состояние автора, сила и модальность эмоций (уровень и проявления признаков гнева), определяются мотивы угрозы и готовность ее исполнения [Rugala, Fitzgerald 2003].

КРИТЕРИИ РЕАЛИСТИЧНОСТИ УГРОЗЫ. Определение реальности угрозы, представленной в анонимном сообщении, — это комплексная задача, решаемая не только в лингвистическом, но и в психологическом, техническом аспектах. На первых этапах работы с сообщением ключевой задачей явля-

ется определение характера угрозы: прямого, косвенного, условного. В зарубежной практике для этого применяются лингвограмматические критерии, позволяющие оценить вероятность отнесения текста к определенному виду.

Прямую угрозу несет в себе сообщение, содержащее указание на цель, время, способ причинения вреда (например, телесные повреждения, убийство) и/или метод, который будет использоваться для осуществления угрозы (например, закладка взрывного устройства, распространение информации). Косвенная угроза заключается в предупреждении с неточным описанием цели или действий (например, *подумай о себе, а то сгоришь на работе*), *«много вопросов задаешь — ответы тебе не понравятся»*). Условный уровень угрозы виден в сообщениях, описывающих действия в вероятностной модальности (*«возможно, я могу», «тогда я всем отвечаю»*), нереалистичных описаниях последствий (*«все взлетит на воздух», «отравлена вся вода»*) либо отсутствия указаний на время, место и обстоятельства происшествия (*«погибнут все»*) [Napier, Mardigian 2003]. Вместе с тем данные характеристики не всегда репрезентативны, поскольку сообщения могут содержать все описанные признаки, а могут не содержать ни одного из них.

С лингвистической точки зрения о реальности угрозы и готовности автора к ее осуществлению свидетельствуют просторечная и эмоциональная лексика, внедрение глаголов и существительных, точно описывающих время, действия и намерения автора или адресата (Mardigian, 2008).

Изучение сообщений с угрозами с помощью интенционального анализа [Mullen, Mackenzie, Ogloff, Pathé, McEwan, Purcell 2006] показывает, что реальные угрозы отличаются правдивостью в их изложении, подчеркиванием вредоносных намерений, пониманием автором незаконности, наказуемости своего поведения. Эти выводы подтвердил эксперимент, который провели Т. Sooniste, Р. А. Granhag, L. А. Strömwall, А. Vrij в 2014 г.

Они сравнивали описания кражи людей, совершивших ее, и людей, не совершавших ее, но планирующих совершить [Sooniste, Granhag, Strömwall, Vrij 2014]. Установлено, что правдивые рассказы более детальны и по сути сообщают информацию о способе хищения (*как?*), а лживые — о мотивах (*почему?*). Эти результаты подтверждают гипотезу об установке на действие в сознании человека [Gollwitzer 1999]. В соответствии с ней высказывание *«Я хочу сжечь кабинет*

директора» еще не говорит о готовности сделать это. Другое дело, если человек определяет условия претворения угрозы в жизнь, детализирует модель действий: «Если мне не дадут зарплату, я принесу канистру с бензином, оболью стол директора и подожгу». Исследования, выполненные на материале английской речи, показывают, что люди, операционализирующие интенцию, чаще достигают своих целей [Gollwitzer, Sheeran 2006]. Нереалистичные угрозы описываются более неискренно, их авторы меньше фиксируются на последствиях своих действий для жертвы. Исследователи отмечают, что в большинстве фальшивых угроз прослеживается нежелание автора нести ответственность за свое сообщение. Установлено так же то, что создатель нереалистичного сообщения об угрозе чаще стремится заявить о себе, повлиять на адресата, чем воплотить угрозу в жизнь. Угроза для него является способом манипуляции, необходимым рычагом воздействия на объект. Мотивация играет важную роль в побуждении осуществления угрозы и выступает модератором угрозы — переменной, учет которой позволит более точно определить реалистичность. При этом, поскольку сильное стремление достичь результата на лексико-грамматическом уровне текста будет заметно отличаться от слабого намерения, в оценке риска угрозы это обстоятельство должно быть учтено дополнительно [Granhaug, MacGiolla 2014]. Анализ телефонных обращений позволяет выявить некоторые особенности вербализации. В частности, определено, что эмоциональные оттенки угрозы — агрессия, гнев, обценная лексика — использовалась лишь в 24 % случаев. В остальных угрозы озвучивались спокойным тоном, вежливо.

Комплексное изучение содержания сообщений, выполненное Шерон Смит, позволило определить признаки, повышающие реалистичность угрозы [Smith 2008]. К ним относятся следующие обстоятельства: 1) автор текста угрожает раскрыть какую-либо конфиденциальную информацию; 2) сообщает о намерении выследить; 3) стремится убеждать; 4) неоднократно говорит о любви, браке или отношениях с объектом; 5) формулирует свои угрозы вежливо; 6) пишет текст собственноручно; 7) детализирует действия, которыми собирается причинить вред объекту и 8) общается с объектом не только с помощью угроз, но и иными способами. Математико-статистический анализ этих признаков в массиве анонимных сообщений позволил добиться 70%-й точности предсказания вероятности их реализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Увеличение доступности институтов государственной власти, инновации в сфере обмена информацией сопровождаются развитием практик деструктивной коммуникации. Рост числа анонимных сообщений в адрес различных социальных служб актуализирует поиск методов определения степени угрозы.

Данная статья обобщает современный опыт изучения анонимных текстов с угрозами, но ее существенным ограничением выступает то, что материал заимствуется из исследований, выполненных на англоязычной выборке, и не может воспроизводиться без опытно-экспериментальной проверки. Вместе с тем обзор зарубежного опыта позволяет очертить феноменологию угрозы, уточнить стратегию ее исследования, арсенал применяемых грамматических, дискурсивных и поведенческих методов. Так, анализ академических работ показывает, что определение только лингвистических особенностей текстов с угрозами нередко приводит к противоречивым выводам. В прагматическом ключе подобный подход не позволяет точно определить степень опасности текстов, автор которых неизвестен. Выход из сложившейся ситуации видится в применении психологических методов при изучении анонимных сообщений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Ю. А., Веснина Л. Е., Ворошилова М. Б., Злоказов К. В., Тагильцева Ю. Р., Карапетян А. А. Экстремистский текст и деструктивная личность : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014. 272 с.
2. Быстров В. В. Функционально-семантический анализ менасивных диалогических реплик : дис. ... канд. филол. наук. — Тверь : ТвГУ, 2001. — 124 с.
3. Волкова Я. А. Пространственное поведение коммуникантов в деструктивном общении // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 2 ч. — Тамбов : Грамота, 2013. № 8 (26). Ч. 1. С. 46—50.
4. Гладченкова Е. А., Щербаклова Г. Г. Троллинг и флейминг: к определению понятия. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw2/gladchenkova_scherbakova.html.
5. Гребенникова О. В., Пархоменко А. Н. Современная молодежь в информационном обществе: представления об информации и информационные предпочтения // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.06.2016).
6. Деструктивные действия. URL: <http://wikireality.ru/wiki/%D0%94%D0%B5%D1%81%D1%82>(дата обращения: 05.06.2016).
7. Диффамация в СМИ / авт.-сост. Г. Ю. Арапова, М. А. Ледовских. — 2-е изд., перераб. и доп. — Воронеж : Элистр, 2012. — 160 с.
8. Змановская А., Аветисян Р., Ивушкина А. В России увеличилось число телефонных террористов // Известия. 2015. 17 нояб. URL: <http://izvestia.ru/news/596106#ixzz4Ah5gAgIz>.
9. Иванова Г. А. Лингво-социокультурные условия отбора содержания коммуникативных дисциплин в гуманитарном вузе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2014. № 10 (48), ч. 2. С. 79—85.
10. Конституция Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
11. Куликов В. Накажут по звонку // Российская газета. URL: <http://rg.ru/2016/01/20/zvonok.html>.

12. Пржездомский А. С. Анонимная угроза. Ложные сообщения о терактах несут реальную опасность для общества // ФСБ: за и против. 2011. № 12.
13. Сидоренко А., Панкин М., Козловский С. В Москве активизировались «телефонные террористы» // ТБИ. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/62101>. (дата обращения: 07.06.2016).
14. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2004. 781 с.
15. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/12146661/>.
16. Bourdieu P. Language and symbolic power. — Cambridge, MA: Harvard Univ. Pr., 1991.
17. Fitzgerald J. The FBI's Communicated Threat Assessment Database: History, design, and implementation // FBI Law Enforcement Bulletin. 2007, Febr. № 76 (2). P. 1—21.
18. Fraser B. Warning and threatening // Centrum. 1975. № 3 (2). P. 169—180.
19. Fraser B. Threatening revisited // Forensic Linguistics. 1998. № 5 (2). P. 159—173.
20. Gale T. A. Ideologies of Violence: A Corpus and Discourse Analytic Approach to Stance in Threatening Communications: Unpublished doctoral dissertation. — Univ. of California, Davis, USA, 2010.
21. Gollwitzer P. M. Implementation intentions: Strong effects of simple plans // American Psychologist. 1999. № 54. P. 493—503.
22. Gollwitzer P. M., Sheeran P. Implementation intentions and goal achievement: A metaanalysis of effects and processes // Advances in Experimental Social Psychology. 2006. № 38. P. 69—119.
23. Granhag P. A., MacGiolla E. Preventing future crimes // European Psychologist. 2014. № 19. P. 195—206.
24. Meloy J. R., Mohandie K., Green M. A forensic investigation of those who stalk celebrities // Stalking, threatening, and attacking public figures: A psychological and behavioral analysis / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). — 2008. P. 37—54.
25. Mullen P. E., Mackenzie R., Oglloff J. R., Pathé M., McEwan T., Purcell R. Assessing and managing the risks in the stalking situation // Journ. of the American Academy of Psychiatry and the Law Online. 2006. № 34. P. 439—450.
26. Napier M., Mardigian S. Threatening messages: The essence of analyzing communicated threats // Public Venue Security. 2003. Sept./Oct. P. 16—19.
27. Olsson A., Phelps E. A. Learned fear of “unseen” faces after Pavlovian, observational, and instructed fear // Psychological Science. 2004. № 15. P. 822—828.
28. Rugala E., Fitzgerald J. Workplace violence: From threat to intervention // Clinics in Occupational and Environmental Medicine. 2003. № 3. P. 775—789.
29. Smith S. S. From Violent Words to Violent Deeds: Assessing Risk From FBI Threatening Communication Cases // Stalking, threatening, and attacking public figures / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). — New York: Oxford Univ. Pr., 2008. — P. 435—455.
30. Sooniste T., Granhag P. A., Strömwall L. A., Vrij A. (2014) Discriminating between true and false intent among small cells of suspects // Legal and criminological psychology (Early View). 2014. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/lcrp.12063/abstract> (date of access: 09.06.2016; Online Version of Record published before inclusion in an issue).
31. Storey K. The language of threats // Forensic Linguistics. 1995. № 2(1). P. 74—80.
32. Van Dijk T. A. Critical Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis / D. Tannen, D. Schiffrin, H. Hamilton (eds.). — Oxford: Blackwell, 2001.

K. V. Zlokazov, A. Yu. Sofronova
Ekaterinburg, Russia

ESTIMATION OF RISK OF ANONYMOUS THREAT

ABSTRACT. *The article discusses the problem of anonymous threat in the context of relations between the society and government institutions. It is caused by the tendency of government bodies to be open for the public, ready for the dialogue as well as quick modernization of mass communication technologies – all these give possibilities for quick and anonymous communication. Such conditions lead to a growing number of appeals to the government bodies not only to protect one's rights and freedom, but with destructive motives too. The annual increase of false information about the incidents and crimes makes the problem of prevention of such behavior topical. The article is practice-oriented research of anonymous threats on the basis of the corpus of texts in English. Threat is a conscious verbal act aimed at destructive (manipulative) persuasion of the addressee accompanied by the feeling of agitation imposed on the addressee. In foreign research works threat is studied by means of discursive, intentional and grammatical analysis. Its purpose is the search for criteria of risk that make it possible to estimate reality of the described event. The discourse of threat if variable, but in spite of it, the plan of the author of the message may be revealed with the help of the motive that lies in its basis. Readiness of the author to illegal acts manifests itself in the use of colloquial and emotionally colored words, verbs and nouns precisely indicating time, act and intention of the author or addressee. From the point of view of intentions the authors of the messages underline their desire to do harm and show their awareness of the fact that their activity is illegal and they may be punished. Unrealistic threats give much less details, their authors do not stress the consequences of their action for the victim and try to escape responsibility. In conclusion the article suggests that the methods of the analysis of anonymous messages should be increased by means of some psychological tools.*

KEYWORDS: *threat; anonymous threat; estimation of risk of anonymous threat; reality of the threat.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sofronova Anastasia Yurievna, Student, Ural Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia*

REFERENCES

1. Antonova Yu. A., Vesnina L. E., Voroshilova M. B., Zlokazov K. V., Yu. R. Tagil'tseva, A. A. Karapetyan. Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost': monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2014. 272 s.
2. Bystrov V. V. Funktsional'no-semanticheskii analiz menasivnykh dialogicheskikh replik: dis. ... kand. filol. nauk. — Tver': TvGU, 2001. — 124 s.
3. Volkova Ya. A. Prostranstvennoe povedenie kommunikantov v destruktivnom obshchenii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki: v 2 ch. — Tambov: Gramota, 2013. № 8 (26). Ch. 1. S. 46—50.
4. Gladchenkova E. A., Shcherbakova G. G. Trolling i fleyming: k opredeleniyu ponyatiya. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw2/gladchenkova_scherbakova.html.
5. Grebennikova O. V., Parkhomenko A. N. Sovremennaya molodezh' v informatsionnom obshchestve: predstavleniya ob informatsii i informatsionnye predpochteniya // Psikhologicheskie issledovaniya. 2013. T. 6, № 30. S. 8. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 05.06.2016).
6. Destruktivnye deystviya. URL: [http://wikireality.ru/wiki/%D0%94%D0%B5%D1%81%D1%82\(data obrashcheniya: 05.06.2016\)](http://wikireality.ru/wiki/%D0%94%D0%B5%D1%81%D1%82(data obrashcheniya: 05.06.2016)).

7. Diffamatsiya v SMI / avt.-sost. G. Yu. Arapova, M. A. Ledovskikh. — 2-e izd., pererab. i dop. — Voronezh : Elist, 2012. — 160 s.
8. Zmanovskaya A., Avetisyan R., Ivushkina A. V Rossii uvelichilos' chislo telefonnykh terroristov // Izvestiya. 2015. 17 noyab. URL: <http://izvestia.ru/news/596106#ixzz4Ah5gAgIz>.
9. Ivanova G. A. Lingvo-sotsiokul'turnye usloviya otbora sodержaniya kommunikativnykh distsiplin v gumanitarnom vuze // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov, 2014. № 10 (48), ch. 2. S. 79—85.
10. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
11. Kulikov V. Nakazhut po zvonku // Rossiyskaya gazeta. URL: <http://rg.ru/2016/01/20/zvonok.html>.
12. Przhedzomskiy A. S. Anonimnaya ugroza. Lozhnye soobshcheniya o teraktakh nesut real'nyu opasnost' dlya obshchestva // FSB: za i protiv. 2011. № 12.
13. Sidorenko A., Pankin M., Kozlovskiy S. V Moskve aktivizirovalis' «telefonnye terroristy» // TVTs. URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/62101>. (data obrashcheniya: 07.06.2016).
14. Toffler E. Tret'ya volna. — M. : AST, 2004. 781 s.
15. Federal'nyy zakon ot 2 maya 2006 g. N 59-FZ «O poryadke rassmotreniya obrashcheniy grazhdan Rossiyskoy Federatsii». URL: <http://base.garant.ru/12146661/>.
16. Bourdieu P. Language and symbolic power. — Cambridge, MA : Harvard Univ. Pr., 1991.
17. Fitzgerald J. The FBI's Communicated Threat Assessment Database: History, design, and implementation // FBI Law Enforcement Bulletin. 2007, Febr. № 76 (2). P. 1—21.
18. Fraser B. Warning and threatening // Centrum. 1975. № 3 (2). P. 169—180.
19. Fraser B. Threatening revisited // Forensic Linguistics. 1998. № 5 (2). P. 159—173.
20. Gale T. A. Ideologies of Violence: A Corpus and Discourse Analytic Approach to Stance in Threatening Communications : Unpublished doctoral dissertation. — Univ. of California, Davis, USA, 2010.
21. Gollwitzer P. M. Implementation intentions: Strong effects of simple plans // American Psychologist. 1999. № 54. P. 493—503.
22. Gollwitzer P. M., Sheeran P. Implementation intentions and goal achievement: A metaanalysis of effects and processes // Advances in Experimental Social Psychology. 2006. № 38. P. 69—119.
23. Granhag P. A., MacGiolla E. Preventing future crimes // European Psychologist. 2014. № 19. P. 195—206.
24. Meloy J. R., Mohandie K., Green M. A forensic investigation of those who stalk celebrities // Stalking, threatening, and attacking public figures: A psychological and behavioral analysis / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). — 2008. P. 37—54.
25. Mullen P. E., Mackenzie R., Ogloff J. R., Pathé M., McEwan T., Purcell R. Assessing and managing the risks in the stalking situation // Journ. of the American Academy of Psychiatry and the Law Online. 2006. № 34. P. 439—450.
26. Napier M., Mardigian S. Threatening messages: The essence of analyzing communicated threats // Public Venue Security. 2003. Sept./Oct. P. 16—19.
27. Olsson A., Phelps E. A. Learned fear of “unseen” faces after Pavlovian, observational, and instructed fear // Psychological Science. 2004. № 15. P. 822—828.
28. Rugala E., Fitzgerald J. Workplace violence: From threat to intervention // Clinics in Occupational and Environmental Medicine. 2003. № 3. P. 775—789.
29. Smith S. S. From Violent Words to Violent Deeds: Assessing Risk From FBI Threatening Communication Cases // Stalking, threatening, and attacking public figures / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). — New York : Oxford Univ. Pr., 2008. — P. 435—455.
30. Sooniste T., Granhag P. A., Strömwall L. A, Vrij A. (2014) Discriminating between true and false intent among small cells of suspects // Legal and criminological psychology (Early View). 2014. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/lcrp.12063/abstract> (date of access: 09.06.2016 ; Online Version of Record published before inclusion in an issue).
31. Storey K. The language of threats // Forensic Linguistics. 1995. № 2(1). P. 74—80.
32. Van Dijk T. A. Critical Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis / D. Tannen, D. Schiffrin, H. Hamilton (eds.). — Oxford : Blackwell, 2001.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.